

кознания. - 1964. - № 6. Шведова Н.Ю. К спорам о детерминантах // Филологические науки. - 1973. - №5.

2. Крылова О.А. Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса // Филологические науки. - 1976. - №2.

3. Flämig W. Skizze der deutschen Grammatik. Berlin, 1972.

4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

6. Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н.Селивертовой. М., 1982.

7. Schwitalla J. Gesprochene Sprache dialogisch gesehen // Handbuch der Dialoganalyse / Hrsg. von G.Fritz und F.Hundsnscher, Tübingen, 1994.

Источники

1. Jugend bei uns. Inter Nationes. Bonn. DARUF, 1988.

2. Alltag in Deutschland. Inter Nationes, 1992.

Э.П.Васильева

Самарский государственный университет

ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПОРИЦАНИЯ В СТИЛИЗОВАННОЙ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Речевое взаимодействие коммуникантов предстает как сложный процесс, в котором набор звуков, произведенный говорящим, предстает для собеседника как целенаправленное высказывание. Оно сообщает информацию или задает вопрос, отдает команду или докладывает, поздравляет или предупреждает, то есть совершает акт из числа тех, которые Дж. Остин назвал иллокутивными [1, 22]. Дж.Р.Серль использует для этих же целей термин «речевой акт» [2, 210].

В процессе обмена различного рода речевыми актами всегда имеет место активное отношение собеседников к услышанному, его оценка в плане принятия/непринятия, одобрения/порицания. По определению В.И.Даля, «порицание - это осуждающий отзыв о ком-либо, о чем-либо, выражение неодобрения» [3, 303]. Очевидно, что столкновение интересов и оценок, мнений собеседников - явление не столь

уж редкое, однако детального описания речевые акты (РА) порицания еще не получили. В общей теории РА порицания либо вообще не находят отражения, либо объединяются с другими разновидностями РА. Например, в классификации РА, предложенной Дж.Остином, выделяется класс бехабетивов, включающий РА общественного поведения коммуникантов - это извинения, похвала, ругань, вызов. Как утверждает автор, бехабетивы включают в себя понятие реакции на поведение других людей, также отношение к чьему-то поведению в прошлом или будущем и эксплицитное выражение этого отношения. Хотя бехабетивы обнаруживают очевидную связь как с утверждением или описанием наших чувств, так и с их выражением (в смысле излияния эмоций), они все отличаются и от тех, и от других [4, 126]. Как отмечает автор, к числу языковых средств, используемых для выражения отношения к чьим-то поступкам, относятся глаголы «негодовать, жаловаться на..., обвинять, одобрять» [2, 128], часть из которых безусловно относится к иллокутивным глаголам порицания.

Теория РА Дж.Остина была подвергнута критике Дж.Р.Серлем, который, в частности, пишет относительно класса бехабетивов, что ... «не устанавливаются сколько-нибудь определенно, но их характеристика, видимо, опирается на понятие того, что хорошо или что плохо для говорящего или слушающего, а также на выражение личностных отношений» [5, 178]. Несмотря на общую критическую тональность этого высказывания, его автор подмечает такие принципиально значимые характеристики бехабетивов в целом и порицаний в частности, как их общий оценочный характер и субъективно-модальную окрашенность. Однако в системе РА самого Дж.Р.Серля, объединяющей 5 классов, положение РА порицания оказывается еще менее конкретным. С одной стороны, их можно было бы отнести к классу экспрессивов, задающих «психологическое состояние коммуникантов» [5,181], т.к. РА порицания конфликтны по своей природе и реализуются в атмосфере психологического напряжения. С другой стороны, порицание может принять форму команды прекратить нежелательное действие, и тогда оно будет тяготеть к директивам; если же порицание реализуется в форме жалобы на недопустимое поведение какого-либо лица, то по терминологии Дж.Р.Серля, такие РА определяются как «репродуктивы, фиксирующие ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел» [5, 181].

И, наконец, существует классификация РА, авторы которой Т.Баллмер и В.Бренненштуль - объединяют все разновидности порицания в отдельный класс (blaming). К иллокутивным глаголам

порицания эти авторы относят глаголы «to accuse of, to blame, to charge with, to complain, to impute to, reproach» [6, 274].

Следует однако отметить, что даже в тех работах, где РА порицания получают определенную долю внимания со стороны исследователей, анализ языковых средств их выражения ограничивается перечнем соответствующих глаголов. Объясняется это, по справедливому замечанию Дж.Р.Серля, тем, что часто имеет место классификация не самих иллокутивных актов, а лишь иллокутивных глаголов [5, 178]. Между тем анализ языкового материала свидетельствует о том, что различные разновидности порицания находят воплощение не только в прямых РА, для которых столь важна типология иллокутивных глаголов, но очень часто они выражаются через косвенные РА, в которых для реализации значения порицания на первый план выходят совсем иные языковые средства. В частности, выше отмечалось, что типичным контекстом функционирования РА порицания является атмосфера психологического напряжения, которая всегда предполагает активное использование эмоционально окрашенных языковых единиц разных уровней. В этой связи представляет интерес исследование Н.В.Юдиной, посвященное систематизации эмоциональных конструкций в составе диалогических единств. Выявив 38 разновидностей собственно эмоциональных состояний, автор подразделяет их на две группы - выражающие положительные и отрицательные эмоции, а затем описывает виды отношений, базирующихся на этих эмоциональных состояниях. К группе отрицательных эмоций, среди множества прочих, относятся и упрек/укор, выговор, обвинение [7, 8].

Таким образом, суммируя информацию о высказываниях со значением порицания, их можно определить как речевые акты отрицательной оценки какого-то действия, поведения адресата, либо другого лица. Для данных РА характерна атмосфера психологического напряжения между собеседниками, которая либо создается отрицательно-оценочным характером самого порицания, либо уже возникла ранее, до его адресации собеседнику. Выражая оценку говорящего, РА порицания имеют субъективно-модальную окрашенность.

Данный комплекс общих характеристик порицания объединяет ряд его разновидностей, которые отличаются как степенью интенсивности иллокутивной силы (ср. обвинение/укор) и различной направленностью этой силы (на адресата в случае упрека или третье лицо в случае жалобы). В формальном плане для выражения порицания могут использоваться как прямые, так и косвенные речевые

акты. Эта неоднородность порицания как в содержательном, так и формальном планах представляет интерес в аспекте систематизации его разновидностей и выявлении характерных способов их выражения - об этом и пойдет речь ниже.

Из всех видов РА порицания наивысшей иллокутивной силой безусловно обладает такая его разновидность, как обвинение. По определению словаря В.И. Даля, «обвинять - приносить жалобу, подвергать ответу, признавать виновным» [3, 569]. Однако, на наш взгляд, обвинение и жалоба не могут рассматриваться как тождественные виды порицания. Их различие можно выявить при сравнении тех синтаксических форм, которые Дж.Р. Серль определяет как «эксплицитные перформативы декларации». [2, 250], т.е. высказывания, содержащие при определенном перформативном глаголе весь набор семантических аргументов, благодаря которым однозначно реализуется иллокутивная цель высказывания. Так, классическая синтаксическая форма, в которой реализуется обвинение, по Дж. Р. Серлю, имеет следующий вид:

«Я нахожу вас виновным в предъявленном обвинении». - Например, I accuse you of theft. I accuse you of having stolen the money.

Как видим, в семантической структуре такого высказывания обвинение адресовано второму лицу, т.е. собеседнику, кроме того, в семантической структуре обвинения присутствует каузатор - действие, выступающее причиной обвинения. В случае жалобы собеседник выступает лишь лицом, призванным восстановить справедливость, т.е. арбитром, а источником жалобы является третье лицо, совершившее ранее несправедное деяние. Следовательно, синтаксическую форму жалобы можно было бы представить в следующем виде:

I complain to you of his rudeness / that he has been rude to me. - «Я приношу вам жалобу на N за причиненный им мне вред (ущерб)».

Таким образом, иллокутивные силы обвинения и жалобы при одинаково высокой степени порицания имеют разную направленность: в случае обвинения адресат выступает как исполнитель осуждаемого действия, а в случае жалобы - как арбитр, призванный восстановить справедливость.

Однако для реального, живого диалога такие полноструктурные, как в семантическом, так и в синтаксическом плане, РА обвинения и жалобы не характерны. Как правило, семантические аргументы бывают рассредоточены в разных предложениях, объединенных в единой реплике. Объясняется этот факт как психологическим напряже-

нием коммуникантов, о котором речь шла выше, так и тяготением разговорной речи к более лаконичным синтаксическим построениям.

Что касается степени эксплицитности высказывания, то она тоже различна: при возможности выбора между прямыми и косвенными РА предпочтение при выражении обвинения и жалобы явно отдается второй разновидности РА.

Прямые РА передают однозначную информацию. Как отмечает Дж.Р.Серль, «в этих случаях говорящий, произнося некоторое предложение, имеет в виду (means) ровно и буквально то, что он говорит» [8, 195]. В основе прямых РА лежат определенные семантические разновидности глаголов и глагольных сочетаний, которые и номинируют иллокутивную цель высказывания, например:

state - «излагать, констатировать», warn «предупреждать», command - «командовать», criticize - «критиковать», apologize - «извиняться», welcome - «приветствовать», promise - «обещать», и т.д.

Дж.Остин утверждал, что в английском языке таких выражений более тысячи [2, 210]. К числу иллокутивных глаголов, эксплицитно номинирующих обвинение, в английском языке относятся упомянутые выше глаголы to accuse of, to charge with, to blame, to impute to.

Однако эти глаголы не характерны для разговорного стиля, вероятно, по причине их слишком высокой категоричности и официального звучания. Можно предположить, что типичной сферой их употребления являются тексты по юриспруденции.

В стилизованной РР, представленной текстами новоанглийской драмы, из названных выше отмечен только глагол to blame, адресующий обвинение собеседнику или участвующий в выражении самокритики:

Alice: Well, I blame you, as much as anybody. You set your father off & then it sets her off. I've told you time & time again. (Billy Liar, 288)

Randow: I am to blame - this talk revives your sorrow for his absence. (Dramatic works, 299)

Типичным же для разговорной речи является выражение обвинения косвенными речевыми актами, в которых отмеченные выше иллокутивные глаголы не употребляются. Согласно распространенному в прагмалингвистике мнению, косвенный речевой акт имеет место в тех случаях, «когда посредством языковой структуры, которая связана в системе языка с выражением одного речевого акта, SA1, выражается другой речевой акт, SA2». [9, 355-356]

Исходя из оппозиции «прямые РА - косвенные РА», обвинение, выраженное с помощью иллокутивных глаголов to accuse, to charge,

to blame и т.д., следует отнести к классу речевых актов декларации, в которых «некоторое положение дел получает существование в результате объявления об этом существовании, случаи, когда, так сказать, «говорение конституирует факт». Примеры таких случаев:

I resign. You are fired. I appoint you chairman. War is hereby declared [3, 243].

В прагмалингвистике такие высказывания еще определяются как перформативные [10], и это определение также подчеркивает тот факт, что произнесение высказывания равносильно свершению действия, например:

Судья: Я объявляю Вас виновным в том-то.

В косвенных РА обвинение находит выражение не в декларативных, а в репрезентативных РА, ориентированных на то, «чтобы зафиксировать в различной степени ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения» [5, 240]. Именно этот случай имеет место в следующем диалогическом единстве:

Stanley: You know what the trouble is? Your son's turning into a drancard.

Louise: The way you've been behaving lately "s enough to make anyone drink. No one would think he's your son. You treat him abominably. (Modern English Drama, 129).

При анализе речевого акта обвинения возникает проблема его разграничения от упрека или укора, также адресованных собеседникам. Помимо различной степени психологического напряжения и интенсивности иллокутивной силы, находящих выражение в отборе языковых средств различной степени экспрессивности, в реализации РА обвинения важную роль играют так называемые «социальные установления» [5, 246], которые позволяют определить то или иное действие, поступок, событие как соответствующие отклоняющимся от юридических или моральных норм общества. В последнем случае его исполнитель может подвергнуться обвинению. В связи с этим Дж.Р.Серль вводит понятие «внеязыковых установлений», которые представляют собой систему конституирующих правил, функционирующих в процессе порождения РА дополнительно к конституирующим правилам языка. Он пишет: «Владения теми правилами, которые составляют языковую компетенцию говорящего и слушающего, еще не достаточно, вообще говоря, для осуществления акта декларирования. Дополнительно к этому должно существовать внеязыковое

установление, в котором говорящий и слушающий должны занимать соответствующие социальные положения» [5, 244].

Так, в следующем ниже примере хозяин дома увольняет частного учителя, ставя ему в вину несоблюдение нравственных норм. О характере определенных социальных отношений между собеседниками свидетельствует такая лексика как *employer, to dismiss*:

Stanley (crisply, with satisfaction): Your employer, Mrs Harrington, has asked me to dismiss you because she thinks you are having a bad effect upon our daughter. (Modern English Drama, 144).

Неофициальный характер взаимоотношений между собеседниками, свойственный разговорной речи (например, между членами семьи), может нивелировать отношения социальной и возрастной иерархии и в конфликтной ситуации способен породить обмен взаимобвинениями, как это имеет место в диалоге сына с матерью:

Clive: Is the war in this house never going to end?

Louise: War? What war?

Clive: The war you both declare when you married. The culture war with me as ammunition. «Let's show him how small he is. Let's show her where she gets off.» And always through me. He wasn't always a bully. You made him into one.

Louise: I'll not go on with this conversation another moment. It's obscene. Your father's upset. Simply upset, that's all (Modern English Drama, 151).

Как было сказано выше, в отличие от обвинения в РА жалобы адресат предстает не как объект порицания, но как арбитр, социальный авторитет которого позволяет ему вмешаться в разрешение конфликта - таково положение дел при обращении с жалобой в официальные инстанции. Жалобы такого рода оформляются с помощью перформативного глагола *to complain*:

I complained to the manager that the service was bad.

Иллокутивный глагол *to complain* в прямых РА жалобы модифицируется семантическими аргументами субъекта, адресата и каузатора.

По классификации Дж.Р.Серля, «жалобы относятся к классу репрезентативов, и их специфика в сравнении с другими разновидностями РА этого же класса проявляется в том, что они соотносены в какой-то степени с интересами говорящего» [5, 240]. Интерес этот ориентирован на восстановление справедливости, а в неофициальной обстановке общения, где собеседники могут и не отличаться своими социально-ролевыми характеристиками, жалоба чаще всего ориентирована на поиск симпатии, сострадания, сочувствия, как это

имеет место в беседе сверстников, находящихся в дружеских отношениях; один из них жалуется на мать:

Walter: And when he hit me, she would just just look away, you know, as if - what he was doing was difficult, yet - unavoidable, like training a puppy. That was my mother (Modern English Drama, 122).

В поисках сочувствия в неофициальном общении лицо, имеющее более высокий социальный статус и больший жизненный опыт, может обратиться к собеседнику более низкого статуса. Так, в следующем диалогическом единстве отец семейства и фактически работодатель частного учителя жалуется последнему на сына и несправедливые обвинения жены:

Walter (softly): I think children are not so able to help themselves with their troubles.

Stanley (not really listening): I tell you children are the most selfish things in the world. So he drinks. Did you know it was my fault? I drive him to it. So I hear. (Modern English Drama, 136)

Следует отметить, что отличительной особенностью жалобы в РР является её ярко выраженная экспрессивность, находящая выражение в отборе соответствующих языковых средств:

Liza: Oh, if I'd only a known what a dreadful thing it is to be cleaned I'd never have come. I didn't know when I was well off. (Shaw, 36)

Возможны даже случаи метафоры, обнаруженные в материале XVIII века, с помощью которой описывается и оплакивается нравственная деградация человека, который сравнивается в начальном состоянии с храмом, потерянная им честь и достоинство - с руинами, его грехи - с омерзительными тварями:

Randow: Oh, fatal change! Oh, fatal transformation! So a majestic temple sank to ruin. Becomes the loathsome shelter & abode of lurking serpents, toads & beasts of pray. (Dramatic works, 301)

В отличие от обвинения и жалобы, упрек и укор носят менее конфликтный характер, хотя упрек ближе к обвинению, чем укор. По словарю В.И. Даля, «упрекать - помнить прошлое, коря этим, быть злопамятным или корить собою, ставить на вид свои услуги, одолжения» [3, Т.4, 504]. Однако, в отличие от случаев обвинения, для выражения упрека не употребляются прямые РА, содержащие перформативные глаголы *gergoach*, *gergobate*, но всегда используются косвенные РА, дающие негативную оценку совершенным собеседником действиям или указывающие как ему фактически следовало поступить. Вот упрек матери сыну, который приехал домой позже запланированного, - здесь и назидание, и подчеркивание своих действий, не оцененных по достоинству.

Louise: I do think you might have caught an earlier train from Cambridge. I cooked a special dinner for you - all your favourite things to welcome you home (Modern English Drama, 64).

Упрек может принимать форму иронии или сарказма, как это видно из реакции Луизы и Клайва на реплику Стенли, негативно оценивающего игру дочери на пианино:

Stanley: It's driving me mad.

Clive (unhappily): I suppose we can't expect her to be an expert in two months. Run-before-you-can-walk Department.

Louise: Your father imagines that everything can be done without hard work (Modern English Drama, 65).

Что касается укора, который в Словаре русского языка получает толкование через упрек («укорить - упрекнуть, обвиняя в чем-либо» [11, Т.3, 303]), он все же имеет ряд существенных отличий от упрека.

Во-первых, укор является реакцией не на прошлое действие, возможности коррекции последствий которого уже упущены, и коммуникант выражает недовольство по этому поводу, - укор, как правило, является реакцией на сиюминутные события, когда возможность коррекции их протекания сохраняется. Во-вторых, и это не менее значимо, в случае укора имеет место дружеское, доброжелательное отношение говорящего к собеседнику, стремление помочь ему. Эта особенность укора делает его наименее конфликтным из всех разновидностей порицания, благодаря чему возможно дальнейшее развитие диалога в духе кооперации. Вполне закономерно, что укор находит выражение в косвенных РА, номинирующих оценку поведения собеседника, побуждение прекратить нежелательное действие - в последнем случае достаточно бывает обращения или даже междометия:

1) Walter: And she knows all about America because she says «Drop dead?»

Pamela: Of course not! How can you be so brutish? (Modern English Drama, 50).

2) Walter: You make yourself very excited; then people give you a bad name & start being afraid of you. That's when you really start worshipping the Devil.

Pamela: Oh, phooey! (Modern English Drama, 51).

Максимально корректную форму носит укор, номинирующий совет по исправлению нежелательного поведения:

Louise: It's rather late, dear. I wish you'd take your walks earlier. (Modern English Drama)

Таким образом, порицание как обобщающее понятие объединяет в себя РА, отличающиеся, во-первых, своей адресованностью со-

беседнику (обвинение, упрек, укор) или третьему лицу (жалоба), во-вторых, различной степенью иллокутивной силы (обвинение - укор), что влияет на тональность диалога, резко повышая его конфликтность в случае обвинения или сохраняя в русле сотрудничества при уколе. Поскольку РА порицания конфликтны в своей основе, вполне естественно, что в их выражении преобладают косвенные РА, которые позволяют избежать прямолинейности и категоричности звучания, свойственной прямым РА.

Логично предположить, что на выбор между прямыми и косвенными РА порицания влияет и функционально-стилевая принадлежность текста: прямые РА обвинения и жалобы уместны и даже необходимы в сфере юриспруденции, но неестественны и препятствуют коммуникативному сотрудничеству в разговорной речи.

Литература

1. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford University Press, New York, 1962.
2. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Зарубежная лингвистика. - М.: Прогресс, 1999.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1980, Т.3-4.
4. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып.17.
5. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 2000.
6. Ballmer Th. & Brennenstuhl W. Speech Act Classification. Berlin, 1981.
7. Юдина Н.В. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств. Автореф. дис. канд. филолог. наук. М., 1973.
8. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. - Вып.17.
9. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. - Вып.16.
10. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. - Вып.16.
11. Словарь русского языка / Под ред. В.В.Пчелкиной. М.: Русский язык, 1984.

Источники фактического материала и принятые сокращения:

1. Billy Liar - Waterhouse K & Hall W. Billy Liar // Modern English Plays. М.: Progress Publishers, 1966.

2. Dramatic works - Lillo G. Dramatic works. Oxford, Clarendon Press, 1933.
3. Modern English Drama - Modern English Drama. М.: Raduga Publishers, 1984.
4. Shaw B. Pygmalion. М.: Foreign Languages Publishing House, 1959.
5. Shakespeare W. Romeo & Juliet. М.: Higher School, 1972.

В.В.Доброва

Самарский государственный университет

РОЛЬ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕГО ВОПРОСА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАННЕНОВОАНГЛИЙСКОГО ДИАЛОГА (на материале стилизованной английской разговорной речи XVI-XVII вв.)

Исследования, проведенные на материале различных языков, показали, что организующими, базовыми единицами диалога являются вопросно-ответные диалогические единства (далее - ДЕ). При этом отличительной особенностью реплик ДЕ является их эллиптический характер, что обусловлено как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими особенностями протекания РР. Речевое общение, сопровождающее совместную деятельность людей и способствующее её осуществлению, выражается не только в сообщении говорящими известных им сведений другим людям, но и в получении от них новой, недостающей информации. Этой цели и служат вопросительные высказывания.

В настоящей работе при характеристике вопроса мы будем пользоваться классификацией Л.П. Чахоян, за основу которой берется роль вопросительных высказываний в процессе непосредственного общения между двумя участниками диалога. Так называемый специальный вопрос, т.е. вопрос, начинающийся с вопросительного слова, с функционально-семантической точки зрения, является идентифицирующим вопросом. Такой информационно-поисковый вопрос связан с выяснением номинации какого-либо элемента ситуации или всей ситуации в целом; а компонент высказывания, на идентификацию которого направлен вопрос, Л.П. Чахоян определяет как семантико-синтаксический элемент (далее - ССЭ) [1, 79]. В.В. Богданов определяет его как семантический аргумент [2, 55].